

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОЛЕМИКИ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Алена Тереховская

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра мировой литературы и сравнительного литературоведения,
Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника (УКРАИНА),
76018, г. Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57, e-mail: olena.terekhovska@pu.if.ua

UDC: 821.161.1:82.0 "XVIII"

ABSTRACT

Terekhovska Olena. *Literary Polemics as One of the Key Factors of the Development of the Russian Literary Process of the First Quarter of the 19th Century.*

The article deals with the investigation of the characteristic features of the Russian literary process of the first quarter of the 19th century. The subject of the attention in it is the polemics on the issue of the development of the Russian literary language, the literary discourse: classicism – romanticism and the issue of genre priorities, in particular of the predominance of ode and elegy. In the article there has been defined that the language polemics between «Shishkovists»-archaists and «Karamsinists»-innovators are the partial manifestation of the conceptual discrepancy in the outlooks on the future development of the Russian culture in general and of the literature in particular. Moreover, the language issue lies also in the fundamentally different socio-political and philosophic and aesthetic convictions of the polemizing sides. It was determined that the discussion on the language issue had, to some extent, been caused by the actively developing opposition between classicism and romanticism, because most of the archaists were persistent classicists, while the innovators supported the development of the romantic art. Partially in the scope of discussion between classicism and romanticism there has developed the genre polemics between ode and elegy and the elegy, with active participation of O.S.Pushkin and W.K.Küchelbecker (supporters of the romanticism in this discussion). Pushkin was an adherent of the elegy, while Küchelbecker stood up for the ode calling it the first lyric genre. In Pushkin's opinion, ode was a very strict and regulated genre, so, elegy was more suitable for the romantic art. In the article there was defined that the discussion on the issue of ode and elegy is a confirmation of the fact that the polemics has definitely shifted from opposition «classicism-romanticism» into the scope of romantic art and was a result of different outlooks on the nature and the character of the romanticism. It stipulated the division of the Russian romanticism into three main tendencies – psychological, public related and philosophic.

Key words: archaists, innovators, classicism, romanticism, ode, elegy, psychological romanticism, public related romanticism, philosophic romanticism.

Статья посвящена изучению характерных особенностей русского литературного процесса первой четверти XIX века. Предметом научного внимания в ней явились полемики о развитии русского литературного языка, литературный дискурс: классицизм – романтизм и вопрос о жанровых приоритетах, в частности, спор об оде и

элегии. В статье определено, что языковая полемика между «шишковистами»-архаистами и «карамзинистами»-новаторами – это лишь частное проявление концептуального расхождения во взглядах на будущее развитие русской культуры в целом и литературы как основной ее составляющей. Более того, за языковым вопросом стоят также принципиально разные общественно-политические и философско-эстетические убеждения полемизирующих сторон. Установлено также, что спор о языке во многом был обусловлен активно набиравшим силу противостоянием между классицизмом и романтизмом, так как большинство архаистов были убежденными классицистами, а новаторы ратовали за развитие нового романтического искусства. Отчасти в плоскости споров о классицизме и романтизме развивалась жанровая полемика между одой и элегией, в которой, как известно, активное участие приняли А. С. Пушкин и В. К. Кюхельбекер (сторонники романтизма в этом споре). Пушкин был приверженцем элегии, тогда как Кюхельбекер отстаивал приоритет оды, называя ее первым лирическим жанром. По мнению Пушкина, ода – очень строгий и регламентированный жанр, а новому романтическому искусству более соответствует элегия. В статье установлено, что спор об оде и элегии является подтверждением того, что полемика из области «классицизм – романтизм» окончательно перешла в область романтического искусства и была следствием различных взглядов на природу и характер романтизма. Это обусловило разделение русского романтизма на три основных течения – психологическое, гражданское и философское.

Ключевые слова: архаисты, новаторы, классицизм, романтизм, ода, элегия, психологический романтизм, гражданский романтизм, философский романтизм.

Стаття присвячена вивченню характерних особливостей російського літературного процесу першої чверті ХІХ століття. Предметом наукової уваги у ній стали полеміки щодо розвитку російської літературної мови, літературний дискурс: класицизм – романтизм і питання про жанрові пріоритети, зокрема дискусії на предмет домінування оди чи елегії. У статті визначено, що мовна полеміка між «шишковістами»-архаїстами та «карамзіністами»-новаторами – це частковий прояв концептуальних розбіжностей у поглядах на майбутній розвиток російської культури у цілому та літератури як основної її складової. Більше того, за мовленевим питанням стоять також принципово різні суспільно-політичні та філософсько-естетичні переконання полемізуючих сторін. З'ясовано також, що дискусія про мову була певною мірою обумовлена активно набираючим силу протистоянням між класицизмом і романтизмом, тому що більшість архаїстів були завзятими класицистами, а новатори виступали за розвиток нового романтичного мистецтва. Почасти в площині дискусії між класицизмом і романтизмом розвивалась жанрова полеміка між одою та елегією, у якій, зокрема, активну участь взяли О. С. Пушкін і В. К. Кюхельбекер (прихильники романтизму у цій дискусії). Пушкін був прибічником елегії, тоді як Кюхельбекер відстоював пріоритет оди, називаючи її першим ліричним жанром. На думку Пушкіна, ода – дуже строгий та регламентований жанр, а новому романтичному мистецтву більшою мірою відповідає елегія. У статті з'ясовано, що дискусія стосовно оди та елегії є підтвердженням того, що полеміка із площини «класицизм – романтизм» остаточно перейшла в площину романтичного мистецтва і була наслідком різних поглядів на природу і характер романтизму. Це зумовило поділ російського романтизму на три основні течії – психологічну, громадянську та філософську.

Ключові слова: архаїсти, новатори, класицизм, романтизм, ода, елегія, психологічний романтизм, громадянський романтизм, філософський романтизм.

Активизация общественно-политической и культурной жизни в России в начале XIX столетия оказала большое влияние на характер развития литературы. Литературное движение этого периода являло собой картину необычайно сложную и достаточно противоречивую. В это время еще выступали представители классицизма, довольно прочные позиции удерживали сентименталисты, печатали свои произведения писатели и поэты просветительского реализма и предромантизма. Начало 1810-х годов ознаменовалось бурным развитием романтизма», а в конце рассматриваемого периода появились первые реалистические произведения («Евгений Онегин» и «Борис Годунов» А. С. Пушкина). При этом нельзя не отметить, что творчество целого ряда писателей и поэтов далеко не всегда укладывалось в рамки определенного направления, представляя собой иногда причудливую смесь различных методов.

Сложность литературного движения начала века не могла не вызвать активной полемики между отдельными литературными направлениями и группировками. Обычно суть литературного движения начала XIX века связывается с полемикой между «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом», причем участники «Беседы» традиционно воспринимаются как защитники устаревших классицистических догм, а «арзамасцы» как провозвестники романтизма, а вся полемика между ними истолковывалась как спор между классицизмом и романтизмом. Между тем, как показал Ю. Н. Тынянов в сборнике статей «Пушкин и его современники» [19], сводить программу «Беседы» только к классицизму было бы неверно. Опираясь на историко-литературную концепцию Ю. Н. Тынянова, и Ю. М. Лотман справедливо заметил, что «идейно-эстетические истоки «Беседы» достаточно противоречивы и что их отношение к старине, проблеме народности в литературе, языку и жанрам основывалось на различных, порою противоположных, системах. В частности, рационалистическое мировосприятие, характерное для века Просвещения, и лежавшее в основе эстетической теории классицизма, было в основном чуждо сторонникам «Беседы». Теоретическим построениям рационалистов противопоставлялись священные традиции, обряды, прошлое» [10, с. 298].

Очевидно, полемика о языке на самом деле являлась отражением двух основных просветительских концепций: с одной стороны, последователи Руссо – архаисты-шишковисты, которые мыслили развитие человечества и его спасение только в возвращении к истокам, к природе, в попытке возрождения старинных обычаев и традиций. Здесь

они видели источник высшей мудрости и опыта для человека. С другой стороны, последователи Дидро и Вольтера – карамзинисты, убежденные верователи в просвещение и человеческий прогресс. Все беды человеческого существования они видели в недопросвещенности и полуграмотности. Девиз архаистов условно можно было бы определить как «Назад к истокам!», а новаторов – «Вперед к прогрессу!».

Расхождение по лингвистическому вопросу было лишь одним из аспектов куда более широкого спора – спора об идее исторического развития в русской культуре начала XIX века. Сторонники Шишкова, отстаивая приоритет отечественных языковых традиций, по большому счету отстаивали просветительскую концепцию возвращения к природе, обычаям, старине. Полные противники каких-либо общественных перемен, реформ, нововведений, они видели единственным путем человеческого развития – путь по издавна сложившимся схемам и порядкам, путь, который создала сама Природа, путь, который человек не вправе и не в силах изменить. Сторонники Карамзина защищали просветительскую концепцию веры во всестороннее образование и развитие, в человеческий прогресс. Языковые идеи Карамзина отражали его идеологические воззрения. Защитник просвещения и реформ Карамзин стоял на позициях преобразования и либерализации общества, на позициях поиска новых путей общественного образования и развития.

Просветителям-карамзинистам была враждебна мысль о том, что существующий порядок человеческих отношений разумен, а окружающий мир – «лучший из миров». Для «шишковистов» же характерно оправдание существующего порядка. Они всецело препятствовали проникновению в российскую культуру западноевропейских философских, литературных, эстетических и политических идей, опасаясь тем самым повторения в России «известных» событий (имеются в виду революционные события во Франции). Какие-либо теории о необходимости преобразования человека и действительности они считали опасными. В вопросе образования и воспитания они признавали только отечественную традицию. Вера в человеческий прогресс, естественно, отвергалась ими напрочь. Поэтому мировоззрение «шишковистов» правильнее было определить термином «традиционализм».

Для «карамзинистов» же главным оказывалось стремление воспитать человека всесторонне образованного, гармонично развитого. В своих исканиях они ориентировались на европейскую культуру, полагая, что для России единственно возможный путь развития – это путь ознакомления с европейским культурным опытом.

Они были убеждены, что мир грешен, что в нем царствует неправда. Однако причину этого следует искать в злой природе человека. Поэтому их эстетическая позиция зиждилась на требовании внутреннего перерождения и самовоспитания. Идея веры в человеческое совершенство, в поступательность человеческого развития является стержневым моментом их мировоззрения. И решающая роль в этом процессе принадлежит просвещению. Не случайно Карамзин подчеркивал общественное значение литературы и литератора. По его убеждению, уровень развития словесности есть показатель уровня просвещенности в целом; литература, в свою очередь, есть один из двигателей просвещения. Очевидно, что полемика «шишковистов» и «карамзинистов» – это полемика о путях русского Просвещения в целом и о месте литературы в системе русской общественной жизни.

В спорах «шишковистов» с «карамзинистами» проявились радикальные расхождения в представлениях об идее исторического развития в русской культуре конца XVIII – начале XIX столетия. Так, языковые идеи Шишкова находились в очевидном соответствии с его основной концепцией истории. Согласно этой концепции, начальным состоянием нации были могущество и блеск, опирающиеся на чистоту нравов и верность традициям, а затем наступило время «порчи», падения, связанное с искажением основ народного характера. «Порча» языка непосредственно связывалась с утратой веры и разложением нравов.

Карамзин же рассматривал историю как процесс непрерывного поступательного движения. «История, по его мнению, – длительный путь восхождения народа по пути нравственного усовершенствования и одухотворения» [6; с. 645]. В сфере языка Карамзин отмечал «закономерность перемен, необходимых по естественному, беспрестанному движению живого слова к дальнейшему совершенству...» [6; с. 646].

Показательно, что практически все литераторы периода начала XIX века были вовлечены в эту полемику и условно разделены на сторонников Карамзина и Шишкова. Характерно, что это концептуальное разделение отразилось не только во взглядах на лингвистический вопрос, но и на вопрос о дальнейших путях литературного развития.

Характерно, что ведущие литературные деятели той эпохи были не только литераторами и литературными критиками, они одновременно выступали и философами, и общественными деятелями, и учеными. Показательно наблюдение В. Э. Вацура: «В начале XIX в. меняется тип литератора. XVIII столетие знало литератора-философа, социолога, моралиста, для которого литература оставалась все же глав-

ным занятием (Фонвизин, Муравьев). Оживление социологической и философской мысли в начале александровского царствования приводит к появлению типа ученого, социолога, занимающегося литературной деятельностью» [4, с. 295] Очевидно, что спор из области философии, истории и политики перешел непосредственно в сферы художественного творчества и критики, где языковой вопрос был лишь частным вопросом, вытекающим из принципиально различных представлений о сути и назначении художественного творчества. Как показал Л. Г. Фризман, спор шел о «жгучих проблемах общественного и литературного развития преддекабрьской России» [20, с. 41].

Как было отмечено выше, в первой четверти XIX в., едва ли не самой острой была проблема романтизма. Уже тогда не было четкости в ее определении как на идейно-содержательном, формальном, так даже и на хронологическом уровнях. Надлежало разобраться в сущности романтизма, выяснить его истоки и характерные черты. Собственно, вокруг этих вопросов и происходила полемика.

Одним из первых к проблеме романтизма обратился П. А. Вяземский в статье «О жизни и сочинениях Озерова» (1817). Здесь он впервые использовал термин «романтический» и сделал попытку обосновать его. Вяземский показал, что в основе романтического метода лежат национальный характер, нравы, обычаи, дух времени, он настаивал на том, что «литература должна быть выражением характера и мнений народа» [5, с. 33]. Кроме того, по его мнению, сущность романтизма заключается в «протесте против обычаев, узаконений, авторитета, всего того, что входило в уложение так называемого классицизма» [5, с. 34]. Очевидно, что его определение романтизма во многом строилось на отрицании незыблемых эстетических догматов классицизма. Суждения Вяземского вызвали возражения Пушкина (письмо Пушкина Вяземскому от 25 мая 1825 г.): «...все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме» [16, с. 309].

О. М. Сомов в статье «О романтической поэзии» (1823) рассуждал о сущности «новой школы нашей поэзии». Критик предлагал различать и не «смешивать классическую поэзию французов с классической поэзией древних греков и римлян», и в соответствии с этим предпочитал терминологически и по существу называть классической поэзией только поэзию древних. Романтической же поэзией он называл «новейшую поэзию, не основанную на мифологии древних», а основанную на оригинальных народных верованиях, нравах, обычаях». Сомов решительно выступал против жанрового однообразия, засилия в русской

поэзии элегических мотивов: «Все роды стихотворений теперь слились почти в один элегический: везде унылые мечты, желание неизвестного, утомление жизнью, тоска по чем-то лучшем...» [9, с. 271]. Сомов был убежден в том, что «... народу русскому, славному воинскими и гражданскими добродетелями, грозному силою и великодушному в победах, населяющему царство, обширнейшее в мире, богатое природою и воспоминаниями, – необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чужих» [9, с. 271].

По сути те же идеи содержатся и в статье В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»: «Да создастся для славы России поэзия истинно русская, да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники нашей словесности» [8, с. 458].

Кюхельбекер одним из первых сформулировал положение о новом романтическом герое – не байроническом, к которому он относился резко отрицательно. Истинный герой (как в жизни, так, соответственно, и в литературе), должен, по глубокому убеждению Кюхельбекера, не замыкаться на собственной лени и унынии, а заниматься проблемами общенациональной жизни. Именно в этом – в активном участии человека в решении насущных проблем национальной жизни видел Кюхельбекер возможность появления русской романтической поэзии. Иными словами, для Кюхельбекера истинный романтический герой не индивидуалист байронического толка, борющийся с судьбой и ищущий любыми путями возможностей для самоутверждения, а гражданин и патриот, готовый совершать подвиги ради отечества и народа, что включало в себя самоотречение, самоотверженность и готовность к самопожертвованию.

Особую позицию в спорах о классицизме и романтизме занимал К. Ф. Рылеев. Желая поставить точку в этом вопросе, в статье «Несколько мыслей о поэзии» он выступил с утверждением, что «на самом деле нет ни классической, ни романтической поэзии» [9, с. 216]. Он снял противопоставление классицизм – романтизм, считая его внеисторическим (когда все лучшее в мировой литературе считалось романтическим, а худшее – классицистическим). Рылеев настаивал на ином критерии, выдвигая на первый план понятие об «истинной поэзии». Подлинная («истинная») поэзия всегда оригинальна и самобытна, и с этой точки зрения, считал Рылеев, Гомер и Эсхил также могут

восприниматься как романтики [9, с. 218].

Важно отметить, что Кюхельбекер и Рылеев были активными участниками декабристского движения, Сомов принадлежал к околодекабристскому кругу, а, как справедливо отметила Е. Н. Купреянова, «романтизм «декабристского толка» во многом блокировался с классицизмом, как с искусством, точнее – стилем высокого, общественного, патриотического звучания. В этом смысле, т. е. прежде всего по стилистической фактуре своего творчества, они были столько же романтиками, как и классиками» [7, с. 107]. Очевидно, что литераторы-декабристы, стремились использовать традиции классицизма в соответствии со своими целями и задачами. Это убедительно показал Ю. Н. Тынянов в своих известных работах, объединенных в сборнике «Архаисты и новаторы» (1929).

Таким образом, споры о романтизме разгорались. Почти все литераторы были вовлечены в полемику о природе романтического искусства, о специфике романтического героя. Показательно, что одной из наиболее важных стала проблема поэтических жанров, которая вылилась в горячую полемику о жанровых приоритетах, в частности в спор об оде и элегии между А. С. Пушкиным и В. К. Кюхельбекером.

На первый взгляд, она находилась в плоскости споров о классицизме и романтизме, однако на самом деле всё было не так. Пушкин, как известно, надолго не примыкал ни к одному из литературных объединений и не сковывал себя никакими литературно-эстетическими рамками или ярлыками. Кюхельбекер принадлежал к лагерю поэтов-декабристов, и поэтому придерживался подчеркнуто гражданских воззрений.

«Если есть идеи времени, то есть и формы времени», – писал Белинский [2, с. 276]. Каждая эпоха, каждый этап художественного развития выдвигают как новые идеи, так и соответствующую им совокупность художественных форм, в том числе – систему литературных жанров. Так, стремлению уйти от реальности в иной, уже несуществующий или вымышленный мир соответствовали жанры фантастической повести, лиро-эпической поэмы и, конечно, элегии. По справедливому замечанию Б. В. Томашевского, в начале XIX века «именно элегия явилась средством выражения чувствований нового человека. Она предоставила широчайшие возможности для художественного исследования глубин человеческой души, тонких, неясных, противоречивых явлений эмоционального мира» [18, с. 119].

В первой половине 20-х годов XIX века судьба элегии стала предметом ожесточенной дискуссии. Кульминационным пунктом этой дискуссии явились споры вокруг статьи Кюхельбекера «О направлении

нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824). Кюхельбекер стоял на страже высокой поэзии и именно поэтому теоретически и практически пытался воскресить оду.

Ода для Кюхельбекера – не просто один из жанров, это тенденция, направление, принцип поэтического повествования. В своей статье «О направлении нашей поэзии...» он дал свое определение оды и назвал ее первым лирическим жанром: «Над событиями ежедневными, над низким языком черни возвышается одна ода, а посему, без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии...» [8, с. 453].

Противоположными характеристиками Кюхельбекер наделил жанры элегии, послания, гимна, баллады: «Элегия почти никогда не окрыляется, не ликует: она должна быть тиха и плавна, обдуманна... Удел элегии – умеренность, посредственность...», а гимн, послание, баллада, по его мнению, «ничтожностью самого предмета повествования налагают на гений оковы, гасят огонь вдохновения» [8, с. 454].

Принципиальным оппонентом Кюхельбекера по этому вопросу был Пушкин. Он не принимал жанровых предпочтений Кюхельбекера. В приложении к заметке «Возражение на статьи В. Кюхельбекера в «Мнемозине» О вдохновении и восторге» Пушкин писал: «Ода стоит на низших ступенях... Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого... Трагедия, поэма, сатира – все более ее требуют творчества (*fantasie*), воображения – гениального знания природы» [18, с. 40]. Пушкин видел, что элегия и послание должны на время уступить первенство другим литературным формам: трагедии, комедии, сатире, но первенство оды им никак не принималось. По мнению поэта, жанр оды слишком регламентирован, он очень строг и сковывает поэтическое воображение. Пушкин чувствовал, что ода – это уже анахронизм. Более того, поэт отметил, что Кюхельбекер до некоторой степени сам себе противоречил: с одной стороны, он отстаивал преимущества романтической поэзии, защищал «свободу, изобретение и новизну», а с другой – доказывал первостепенную важность оды как основного лирического жанра и в начале XIX века.

Таким образом, в суждениях об оде и элегии Пушкин и Кюхельбекер разошлись. Кюхельбекер, как приверженец гражданского романтизма, архаист продолжал творить в заданном гражданскими романтиками формате высокого предназначения литературы, а Пушкин, не принимавший никаких творческих регламентаций, стремительно эволюционировал, тонко чувствуя и предугадывая дальнейшие пути литературного развития.

Кроме того, спор об оде и элегии явился наглядным подтверждением того, что полемика из области «классицизм – романтизм» окончательно перешла в область романтического искусства и была следствием различных взглядов на природу и характер романтизма. Это, в конечном счете, вылилось в разделение русского романтизма на три основных течения – психологическое, гражданское и философское.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова А.В. Из литературной полемики 1820-х годов (В. Кюхельбекер, «архаисты» и «новаторы») / А.В.Архипова // Рус. лит. – 1960. – № 3. – С. 42–59.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 9 т. / В. Г. Белинский. – Москва: Худож. лит., 1976. – Т. 1. Статьи, рецензии и заметки – 456 с.
3. Бент М. Течения или этапы? Еще раз о единстве романтизма / М. Бент // Вопр. лит. – 1990. – № 2. – С. 218–231.
4. Вацуро В. Э. Заметки к теме «Пушкин и „Арзамас”». / В. Э. Вацуро // НЛЮ. – 2000 – № 42. – С. 150–160.
5. Вяземский П. А. Соч. : в 2-х т. / П. А. Вяземский. – Москва : Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 445 с.
6. Карамзин Н. М. Соч. : в 3-х т. / Н. М. Карамзин. – Ленинград : Худож. лит., 1984. – Т. 3 : Статьи. Письма. – 376 с.
7. Купреянова Е. Н. Французская революция 1789–1794 годов и борьба направлений в русской литературе первой четверти XIX века / Е. Н. Купреянова // Рус. лит. – 1978. – № 2. – С. 87–107.
8. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер – Москва : Наука, 1979. – 790 с.
9. Литературно-критические работы декабристов. – Москва: Худож. лит., 1978. – 276 с.
10. Лотман Ю. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры / Ю. Лотман, Б. Успенский // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1975. – Вып. 358. – С. 168–254.
11. Маймин Е. А. О русском романтизме / Е. А. Маймин – Москва : Просвещение, 1975. – 240 с.
12. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма / Ю. В. Манн. – Москва: Наука, 1976. – 274 с.
13. Наливайко Д. Романтизм как эстетическая система / Д. Наливайко // Вопр. лит. – 1982. – № 11. – С. 156–194.
14. Проскурин О. Две модели литературной эволюции : Ю. Н. Тынянов и В. Э. Вацуро / О. Проскурин // НЛЮ. – 2000. – № 42. – С. 63–77.
15. Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи / О. Проскурин – Москва : ОГИ, 2000. – 350 с.
16. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Наука, 1964. – Т. 7 : Литературно-критические статьи. Письма. – 766 с.

17. Тереховская А. В. Литературная полемика первой четверти XIX века в историко-литературной концепции Ю. Н. Тынянова : к научным спорам об истории русского романтизма / А. В. Тереховская // Научные записки ХНПУ им. Г.С.Сковороды. Литературоведение. – Харьков, 2009. – Вып. 2 (58) – Ч. 1. – С. 143–152.

18. Томашевский Б.В. Пушкин: В 2 кн. / Б.В.Томашевский. – М ; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1961. – Кн. I : (1813– 824). – 472 с.

19. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1969. – 425 с.

20. Фризман Л. Г. Семинарий по Пушкину / Л. Г. Фризман. – Харьков : Изд-во Энграм, 1995. – 367 с.